

18+

Евгений Кремнёв



# ФАНТАСМАГОРИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ ИВАНА ОБЛАКОВА

Дай бог, и ты мне не будешь нужна!..

Евгений Кремнёв

**Фантасмагорическая одиссея  
Ивана Облакова. Дай бог,  
и ты мне не будешь нужна!..**

«Издательские решения»

**Кремнёв Е.**

Фантасмагорическая одиссея Ивана Облакова. Дай бог, и ты мне не будешь нужна!.. / Е. Кремнёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832943-2

Иван брошен девушкой и погибает в автокатастрофе. Однако, на «той стороне» его ожидает другая жизнь, и он, принимая правила игры, решает отомстить бывшей девушке. Но, конечно, все пойдет не так, как ожидал он и его потусторонние «кураторы». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-832943-2

© Кремнёв Е.  
© Издательские решения

## Содержание

26 мая 1991-го года Иван Облаков вышел с совершенно пустой головой, не замечая, ни лая злой собачонки в подъезде, ни удушливого запаха сирени на улице. Он подумал о самоубийстве, но как-то боком и как о чем-то несерьезном. Бомжу, путавшемуся под ногами, он надел урну на голову. Налетели менты, он еле отбил от них	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Фантасмагорическая  
одиссея Ивана Облакова  
Дай бог, и ты мне не будешь нужна!..**

**Евгений Кремнёв**

© Евгений Кремнёв, 2024

ISBN 978-5-4483-2943-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**26 мая 1991-го года Иван Облаков вышел с совершенно пустой головой, не замечая, ни лая злой собачонки в подъезде, ни удушливого запаха сирени на улице. Он подумал о самоубийстве, но как-то боком и как о чем-то несерьезном. Бомжу, путавшемся под ногами, он надел урну на голову. Налетели менты, он еле отбился от них**

Иван стоял, ждал автобус. Потом стоял в нем. Потом сидел в нем. Потом сошел, перешел на другую сторону. Стоял, ждал автобус. Стоял в нем. Потом сидел в нем, и все это с окаменевшими скулами и уставившись в одну точку, но когда вставал, отметил хорошенькую блондинку, пробираясь к двери – увидел огромную блондинку. Обе девушки были в подвенечных платьях-мини. На мгновение он захотел их.

...«Ну, что ж, утешимся тем, что мы свободны» – сказал он себе, входя домой. – Да! Действительно есть жутковатая сладость краха! – продекламировал он, дурачась.

Он включил проигрыватель и повалился на диван. Но музыки не желалось. Он разбил проигрыватель о стену.

«...Я тебе не нужен, ну и бог с тобой! Дай бог, и ты мне не будешь нужна!..»

Он надел новую белую рубаху. В уме сложились строки письма: «Понимаю, что моя вина безмерна, но не могу иначе...». Рубаха оказалась не глаженной, на груди было пятно от корейского соуса. И – плевать! Слегка знобило, но температуры не было. Иван попробовал есть, но – рецепторы бастовали: пища была безвкусна.

На улице он попытался вернуть чувство бесконечной отрешенности, но это не удалось. Ивану казалось, что он всходит на Голгофу, хотя на самом деле шёл в гараж.

Когда он остановился перед «зеброй», пропуская автобус, внутри, вдруг, толкнуло что-то и живая картина в реальности превосходящая действительность, прокрутилась перед ним: он бросается под автобус, от удара отлетает. В воздух, описывая дуги, летят кроссовки, купленные три дня назад, и падают, вот незадача, в лужу, а его тело, покувыркавшись, бесчувственно валяется посреди дороги.

На другой стороне улицы он понимает, что был на волосок от гибели и она, косоротая, на всякий случай упредила его, явив свой лик. И... тут кто-то мягкой ладонью погладил его по лицу.

...Автомобиль не заводился, Иван применил испытанный прием: стукнул кувалдой по капоту два раза и тот ожил!

...Иван ехал, борясь с нарастающим чувством омерзения, охватывавшем его сплошной ноющей раной. Притормозив у зебры, он увидел перед своим капотом Ингу, переходившую улицу. Красавица не утруждала себя ни ноской туфель на высоком каблуке, ни помадой, ни косметикой. Она знала о своей власти над мужчинами и справедливо полагала, что незачем носить неудобную обувь и убивать время на изменение и без того совершенного лица. Иногда она забывала надеть трусики, ведь она любила ветер в парусах! Девушка со снисходительной улыбкой богини красоты – а она такой и была – внимала болтовне какого-то «мэна» боксерского вида с переломанным носом. Боксер, видимо, пошутил, и девушка ущипнула его за бок,

тот шутливо изобразил страдание. Инга рассмеялась и огрела его по спине кулаком, слегка зашиблась о тренированную спину, боксер обнял её. Иван отвел глаза и взглядом уткнулся в газон, на котором кобель пыхтел на миниатюрной сучке. Он почувствовал себя совсем премьерско. Он ударил по газам, развернулся и со свистом влетел на тротуар, переехав совоккуплявшихся домашних животных.

Инга, почти задетая бампером, вскрикнула. Узнав Ивана, подошла. – Ты что совсем уже! – сказала она своим визгливым, родным голосом и склонилась к окну. – Иван, мы, кажется, поставили все точки над «и». Не глупи. Чего ты добиваешься! И зачем ты собачек задавил?

– Слушай! Ты достал! – встрял «мэн».

– А, тебе не кажется, что красотки еще никому на шару не доставались? – сказал он боксеру. Иван хотел добавить еще что-то злое и оскорбительное, но кто-то – потусторонний дилер, наверное – опять погладил его по щеке, испытывая на нем свое отстиранное до невозможной мягкости потустороннее белье. Он посмотрел на Ингу помертвевшими глазами, протянул руку и сдернул с ее уха черную клипсу: – Я от тебя никогда не отвяжусь! Моя любимая сука! Как же ты мне дорога, моя приконченная сука!.. Как я ненавижу и люблю тебя, моя бывшая сука!.. О, моя сука, как тупо было тебя любить!..

Боксер, растерявшийся, было, от противоречивой картины ивановой любви, кинулся к машине, но тот съехал с тротуара и резко взял с места

– Идиот! – крикнула Инга, снимая непарную клипсу. Она подошла к собачонкам, кобель ещё был жив. – Боже! – сказала Инга. – Почему у меня нет пистолета! Я бы пристрелила его, чтобы бедное животное не мучилось!

– Я тебя урою! – кричал вслед Ивану боксер. – Встреться мне, тварь!.. Пистолет я тебе достану, – успокоил он девушку.

...На ста тридцати в час «жигуль» влетел на мост и тут на дороге появились две блондинки – огромная и изящная. Иван мог бы поклясться, что за секунду до этого на дороге были только два встречных авто. Он резко взял влево, потом вправо; избегая лобового удара со встречной таратайкой, проехал сквозь огромную блондинку, улыбающуюся безвкусно подведенными глазами. «Жигуль» стукнулся о бордюр, завертелся, словно сумасшедшая балерина, пробил каменные перила, и, неся уже мертвого хозяина, грохнулся с пятнадцатиметровой высоты, превратившись в гармошку, которой больше не играть.

...Когда воздуха уже не хватало катастрофически, Иван, наконец, вынырнул из свинцовых волн. На берегу ему махал человек, и он поплыл к нему. Человек приближался, но лица его было не разглядеть из-за капюшона, которые Иван с детства ненавидел, потому что ровесники кидали туда камешки. Человек подал руку, помогая ему выбраться, Иван простил его никчемный наряд и поднял глаза. Но кто-то сзади положил мягкие ладони на лицо – опять этот дилер – и все покрыла тьма. Яростно зашептали на латыни, на старославянском, заругались матом, затрещало и надорвалось, и... Иван увидел себя отлетающим от искореженного авто, где истекала кровью его изуродованная оболочка.

Он поднимался все выше и выше, и наблюдал, как к месту его гибели стекается людской муравейник, и труп его пытаются вытащить из обломков, а из «скорой» бегут белые халаты с бесполезной помощью.

Бездонное счастье парения переполняло Ивана. Его тело имело прозрачно-небесную субстанцию, но не было голо, а покрыто туманной оболочкой, мягкой, как пух. Он купался и кувыркался в воздухе словно дрессированный дельфин, но не забывал сопровождать белую машину, везшую его изуродованные останки.

Машина въехала во двор, куда подъезжали грузовики с пустыми гробами и выезжали катафалки с торжественными мертвецами и где за мусорным баком спал пьяный в дугу музыкант Браверман в обнимку с тромбоном. Бывшее тело Ивана отнесли в холодный подвал и положили на стеллаж.

Новопреставленный вернулся к месту своей гибели, понаблюдая как кран загрузил искоженное авто в грузовик, взлетел над мостом и опять увидел блондинок в подвенечных платьях. Обнявшись, они стояли на тротуаре около порванных лееров. Редкий ручеек прохожих тек сквозь них беспрепятственно. Иван медленно облетел девушек. Маленькая блондинка махнула ему рукой. – Приве-ет! – вторая – сейчас она была похожа на Мальвину-переростка с буклями белого парика и густо подведенными глазами – повернула голову и угрожающе улыбнулась. И странный мир изменился: воздух потемнел и засиял, и в нем как бы проросла из пустоты масса маленьких полупрозрачных объектов, похожих то ли на пауков, то ли на тараканов, то ли на жаб, они пульсировали, исчезали и появлялись вновь. В воздухе сверкали черные змееобразные линии, некоторые из них не исчезали, а висели, извивались и качались от ветра, которого Иван не чувствовал. Сверху полился странный, почти черный свет, и предметы вокруг покрылись движущимися узорными тенями. Блондинки закружились на месте, подставляя лица inferнальному явлению. Их короткие платья закружились вместе с ними, обнажив соблазнительные бедра в ажурных чулках на подвязках.

Зачарованный Иван испытал странное чувство возбуждения и страха, он подлетел и уселся на перила.

– Ну как ощущения? – спросила малышка.

– Мощно! Это что? – показал он на то, что происходило вокруг и над ними.

– Потусторонний ветер и потусторонний дождь!

Полупрозрачные объекты, вдруг, в один миг облепили обеих девушек, черные змеи обвили их вокруг, сжимая и разжимая кольца, Иван закричал от страха. Маленькая блондинка выплюнула изо рта несколько «жаб» и «тараканов», и засмеялась. – Не пугайся, глупый! Это – друзья, они нас питают!

– Питают?! – он с трудом подавил в себе чувство ужаса.

Между тем странные объекты стали бледнеть и растворились. Посветлело. Блондинки обессиленно опустились на бетон тротуара.

– Это кончилось? – спросил Иван, с тревогой глядя вокруг.

– Да! – сказала большая блондинка и они, как по команде поднялись с тротуара.

– А, вы... не знаю, как выразиться... Может духи?..

Блондинки засмеялись. – Они, они самые! Только мы «флэтки», – добавила огромная. – А, ты – тень.

– То есть?

– Ты прозраченький, пушистенький, а мы с телами, одежду имеем как у этих, – она небрежно кивнула на парочку, приближавшуюся к ним. – И ты не можешь сделать то, что можем мы. – Она торжественно подняла палец. – Например!

Огромная блондинка шагнула навстречу паре, и ущипнула девушку за грудь, а парня пощекотала в паху. Гулявшие застыли друг против друга и покраснели. У девушки столбняк прошел быстрее. – Ах, вы свиньи, мужики, какие! Два слова сказал и уже чуть ли не в трусы лезет!.. – выстрелила она гневную тираду. – Ой, сволочь бесстыдная!.. Кретин!..

Ее провожатый, потрясенный женским коварством, разинул рот, не в силах возразить, наконец, его прорвало: – Да ты! Ты!.. Ты что только что у меня здесь делала?! Вот здесь, а?! – он гневно указал на свою ширинку. – Ты же, шалашовка, только что яйца мне щекотала!

– Кто я?! Да, ты мразь ползучая!! Да, вешать вас таких надо!!..

Она бросилась на него с кулаками, но он, побелевший, перехватил ее руки, сжал так, что она пискнула, и прошипел: – Выкину на хрен шас с моста! – отбросил ее к перилам и зашагал



прочь. Его несостоявшаяся подруга захлопала носом, развернулась и пошла в противоположном направлении, зло цокая набойками на каблуках, которые она подбила как раз к их первому свиданию. Флэтки расхохотались.

– Жестоко вы их. Мне их жаль. Может быть, у них любовь какая-никакая получилась, – посочувствовал Иван.

– Оставь ты их жалеть. Малого стоит их любовь, если они с полуоборота в зверей превращаются.

– А, знаете, что я сейчас подумал: это же вы подстроили мне аварию.

– Не-а. Ты сам ее хотел.

– Но ты же, – он ткнул пальцем в большую блондинку, – появилась на дороге, я и кувыркнулся.

– Если бы ты не хотел смерти, ты бы нас не увидел, еще тогда, в автобусе. Для людей не отмеченных, нас нет.

– Но вы – есть, – сделал печальный вывод Иван-новопреставленный.

– Правильно. Поэтому летим с нами.

Иван взмыл в воздух вслед за ними.

...К центральной площади со стандартным набором из «белого дома», памятника с указующей дланью, гостиницы и кинотеатра, примыкал большой, ухоженный сквер.

Они летели вдоль одной из аллей. Зависли у фонаря. Изящная блондинка сказала: – Запомни это место и «плиз» за нами.

Флэтки одна за другой нырнули головами в газон и исчезли. Иван засомневался, потрогал голову, но... ничего не трогалось – или нечего или нечем было. Молодой человек отбросил сомнения и повторил их маневр.

После погружения в секундную темноту, он вынырнул – все тот же сквер, но только здесь был не день, а вечер. Рядом стоял столб с часами, они показывали семьдесят минут шестого. Флэтки махнули ему, и Иван полетел за ними. Закатное солнце висело на юге, а не на западе, как было «там».

За гостиницей стоял двухэтажный особняк. Они опустились на ступени и вошли внутрь. Большую дверь с золотой табличкой «Отдел аварий и катастроф со смертельным исходом. Прием круглосуточно» открыли без стука.

За полированным столом, в кресле больше похожем на трон, сидел молодящийся толстяк. На шее у него висела огромная золотая цепь, на голове золотая корона, похожая на кокошник, из-под нее выбивались лисьи огненно-рыжие пряди. Помещение оказалось роскошным то ли авто-, то ли авиасалоном. Справа и слева от рыжего – сверкающим первым рядом – стояли «Бентли», «Ягуары», «Мерседесы», «Ауди», прочие «Бугатти», за ними – менее значимые «Шкоды», «Мазды», «Фиаты», в глубине матово поблескивали фюзеляжами «Боинги», «Ту», «Яковлевы», боевые «Фантомы» и «Сухие» и ещё масса летательных аппаратов, вплоть до древних «Фарманов» и «Блерио».

Из-за раздувавшихся ноздрей толстяка и нетерпеливого постукивания пальцами, униженных сверкающими перстнями, можно было заключить, что он предельно раздражён сухопарой дамой в очках, молча вперившейся в него и ждавшей, очевидно, какого-то ответа.

Завидев флэток, толстяк – его звали Гангут – откинулся на троне, его глаза умаслились, и рот растянулся в улыбке, сверкнув двумя рядами золотых фикс. – Ах, девчонки! Давненько не виделись!.. Какими судьбами!..

Дама перевела испепеляющий взор на вошедших. – Вы что, только по-хамски можете входить? Постучать – руки отвалятся? А языки отсохнут – разрешения попросить?

– Я сейчас, сейчас! – замахал рукой толстяк, другой придерживая сваливающуюся корону.

Иван не успел моргнуть тем, что было глазами, как флэтки вышмыгнули за дверь.

– Ну, так что? – сказала дама, опять уставившись в толстяка.

Тот отрицательно покачал головой. – Да, не могу я вас на землю отправить! У вас голова отлетела при аварии! Меня здесь не поймут, а там вы – безголовая – всех пугать будете!

– Да, вот же голова! Вот! – хлопала она себя по причёске, игнорируя тот факт, что ее эфемерная рука проходила сквозь не менее эфемерную голову и ничего не хлопала.

– Ещё раз повторяю: это астральная голова! Ваша телесная голова при ударе о самосвал отделилась от тела и пролетела двенадцать метров!.. Все – мне некогда!..

– Ну конечно, теперь у тебя нет ни до чего дела! Такие вертихвостки нарисовались на горизонте!..

Вдруг лицо толстяка побагровело. – Вам плохо?! – обеспокоилась дама. Гангут завращал глазами.

– Это вам за меня наказание! – мстительно сказала худышка.

Гангут слегка приподнялся и выпустил газы с такой силой, что поднялась пыль между автомобилями и самолетами.

– Так порядочные мужчины не поступают! – возмутилась слегка оглушенная дама. – Это удар ниже пояса!

Она заткнула нос, из ее астральных глаз полились вполне реальные слезы.

– Нет, это удар ниже поясницы. Он исходил именно оттуда! – уточнил Гангут и втянул воздух ноздрями, испытывая видимое удовольствие. – Пахнет фиалками, не правда ли?

– Какая вы свинья!

– Это случается помимо моей воли. Как реакция на упрямство некоторых клиентов... Ну, идите, идите! Я все сказал!

Когда дама взялась за дверную ручку, ее оторвало от пола и, взлетев, она стукнулась астральной головой об астральный косяк. – А, будь вы неладны с вашими порядками! – вскрикнула она, и со злостью пнув астральную дверь, вылетела вон по воздуху.

– Ну вот, новоиспеченный, – обратился Гангут к Ване, – *там* она была стервой, и здесь ничуть не изменилась. Со своим уставом в чужой монастыре лезет. Как зовут?

– Иван.

– Ну, зови Машку с Калиной, Ваня.

– ?

– Они не представились? Флэток своих. Машка – толстуха, Калина – мини-девка.

Но блондинки вошли сами, не дожидаясь приглашения. Толстяк – не фигурально – выпорхнул из-за стола, звеня цепью. – Ах, Машка! – сказал он, хлопая по заднице огромную блондинку. – Ах, Калина! – сказал он, хлопая по заднице маленькую блондинку. – Присаживайтесь, бабенки! И ты давай!

Машка из недр необъятного лифа достала квадратную бутылку. Гангут принюхался и от удовольствия закрыл глаза. – О-о, аромат просто дьявольский!

– Что скажешь? – спросила Машка.

– Основная нота – дерьмо из городской канализации? Да? – сказал Гангут.

– Да, – сказала Калина. – А доминанта?

– Какая-то техническая примесь, – он принюхался и закрыл глаза. – Бензин. Да, бензин!

– Что ещё?

– Тосол и... кажется солидол.

– Ты как всегда прав, – сказала Калина. – Дерьмо попеременно с тосолом, солидолом и бензином.

– Там есть ещё один мотив, – сказала Машка. – О-очень тонкий.

Гангут, придерживая корону, ткнул нос в бутылку. – Вот вертится что-то знакомое, а уловить не могу. Все, Машка – колись! Не могу угадать!

– Вода из-под цветов недельной давности! Это же очевидно! – сказала Машка.

– Ах, да! Ты же обожаешь цветы! – сказал Гангут, снял корону и достал из стола три стопки. – Этого у вас не отнять – можете вы создать профессиональную композицию. – Он ещё раз понюхал содержимое бутылки – Чудесная жуть! Вы знаете, – обратился он к флёткам, – я пью только в двух случаях: когда есть гусь, и когда нет гуся. Кстати, у вас есть гусь?

– Нет! – весёлым хором ответили девушки.

– И у меня нет. Тогда условие соблюдено – наливай!

– За тебя, старый пердун! – хором оказали флётки и они чокнулись.

...Поставив стопку, Гангут полез в стол и достал наушники с присосками. Он обратился к Ивану. – Ну, что, юноша, дай, ка я тебя послушаю. – Он нацепил наушники себе на голову, а присоски воткнул в туманный пух в районе груди новопредставившегося.

– Что ж, всё ясно! – сказал он, снимая наушники. – Юноша оскорблен! Юноша хочет мести. Жестокое мести для бывшей зазнобы! – Он кинул наушники обратно в стол. – Верно, Иван?

Тот закрыл глаза и вспомнил – «Инга!» – Действительно! Этот так сладко – мстить этой суке! – сказал он. – Меня так распирает от этой мысли! О-о, какая сладкая, какая невозможно чудесная мысль: мстить суке Инге!.. Мстить, мстить, а потом опять – мстить и мстить!.. И...

– Да, нет проблем, юноша!.. – прервал его излияния Гангут. – Калина!..

Маленькая блондинка скинула с себя рубаху и, голая по пояс, уселась на стол напротив Ивана. – Смотри! – Калина с силой воткнула пальцы себе под грудь. Брызнула кровь, подула – кровь запеклась. Она раздвинула кожу, погрузила пальцы еще глубже, с треском раздвинула ребра, в разорвавшейся кровавой материи показался пульсирующий слизистый комочек. «Сердце» – догадался Ваня. Подошла Машка, дотронулась до пульсирующего комка. – Это – аорта, – сказала она Ивану. – Между аортой и сердцем находится центр жизни. Тень, попадающая в это место, может позаимствовать у человека с той стороны оболочку.

Калина вытащила ладони из своей ужасной раны и, дрожащая и потная повалилась навзничь на стол, опала как проколотый мяч, и стала плоской. Потом вскочила и закричала тонким мультяшным голосом. – Ой, мне больно, Гангут! Ой, надуй меня скорей! Ой, больно!.. – Гангут взял плоскую флётку подмышку и вышел в боковую дверь.

Машка склонилась над Ивановой рукой и дунула. Пух облетел, и рука стала походить на сосуд, набитым водорослями. – М-да, так ни фи́га ни видно – запутаешься.

– Вот, смотри, – она закатала свой рукав, пережала вены у локтя и поработала кулаком. – Ты кровь из вены сдавал?

Иван кивнул.

– Вот эта вена – «медиана-субити» по латыни, ты попадаешь в эту вену...

– Как?

– Гангут объяснит.

– ...в эту вену и ждешь. Будет темно. Потом увидишь человека, того, в которого ты внед-  
рился. Как можно быстрее обними его и – все. Не вздумай медлить.

– А если не успею?

– Успевай. Что ты бабка восьмидесяти лет!

– Хорошо успел, а что с этим человеком будет?

– С ним все в порядке будет, ты позаимствуешь у него часть молекулярного слоя.

– Ну, а если не успею все-таки?

– Вот ты противным какой! Не успеешь – значит, человек этот сойдет с ума, а для тебя его тело станет тюрьмой до самой его смерти.

– Ясно. Не пойму только зачем Калине нужно было это все показывать, мучая себя, когда ты мне все ясно и понятно объяснила?

– Зато пердун сейчас её надувает, а это, ох как приятно! Оргазм просто потусторонний! – Ивану послышались в этом ревнивые нотки.

Раскрылась дверь, и вошли – распаренный Гангут и Калина за ним – опять трехмерная; она на ходу натягивала рубашу, толстяк платочком вытирал рот. Гангут вытянул из пиджака что-то на дезодорант похожее и на ходу пшикнул на Иванову руку – она опять покрылась обочкой. – Так эстетичней, – пояснил он. – Я поклонник всего прекрасного. – Он похлопал по задку маленькую блондинку.

Взобравшись на свое кресло-трон, он нахлобучил корону, порылся в ящике стола и катнул через весь стол что-то матово блестящее. Это оказался маленький – похожий на акулий – зуб, острый, как бритва. Калина взяла зуб и приказала Ивану. – Положи левую руку ладонью вверх. – Она склонилась над Иваном.

– О! А это что?

Машка тоже наклонилась.

На его ладони проступал смутный темный круг. Калина подула: ладонь подернулась изморозью, потом льдом. Лед лопнул, и из Ивановой ладони выскочила черная клипса.

– Вот те фокус! – okazала Машка. – Это твоей зазнобы аксессуар?

– Да-а! – удивился Иван.

Машка бросила клипсу Гангуту, тот поймал ее на лету и кинул в один из своих многочисленных ящиков. Калина, между тем, приложила зубок к указательному пальцу Ивана и подула. Иван задрожал, загудел, как трансформаторная будка, изнутри засиял кроваво и медленно погас. Из бесплотного пальца чужеродным отростком хищно торчал зуб с кровавым сиянием внутри.

Иван поднял ладонь и в туманной оболочке его головы налились красным сумасшедшие глаза маньяка.

– Теперь заключительная инструкция, – продолжил Гангут. – Когда ты вздумаешь в кого-то внедриться, по возможности делай это часа в три-четыре ночи, когда человек спит крепче всего и почти ничего не чувствует. ...Ты прокалываешь вену. Через какое-то время, когда он почувствует укол, тебя уже втянет внутрь. Завладев оболочкой, ты можешь управлять человеком по своему усмотрению, но это не все. Уже находясь в этой оболочке, ты можешь проникнуть в любое существо, будь то хорошая бабенка, или ничтожная блоха, и тоже управлять ими по своему усмотрению. Но и это еще не все. Находясь в оболочке, ты можешь создавать видения. Реальные как кино. Коготок же тебе нужен для смены оболочек. Но... – Гангут поднялся с кресла. – ...Во всяком деле есть свое «но». У флэтов и теней – особенно. Если там, на той стороне, есть вполне понятные и известные «но», выражаемые упрощенной формулой: если ты поступаешь так – пожалуйста, но... и здесь следует какая-либо форма расплаты за данный поступок и это вполне прогнозируемо, то у нас этого нет, ибо наше «но» непостижимо. Непостижим закон его применения. Те, кто сталкиваются с этим «но» – исчезают, или оказываются не там, где планировали. Если для людей с той стороны непостижимостью является смерть, то для нас непостижимость – «но». И если для людских поступков есть великий тормоз – страх непостижимой смерти, то у нас страха нет, но есть великое «но»...

...Когда впечатления от кино рассеялись, к Инге вновь вернулись злость и досада на Ивана, нелепой выходкой испортившего их почти интеллигентное расставание и поставившей ее в дурацкое положение перед новым кавалером.

Она шла, опершись на Олегову руку, изредка поглядывая на него – мачо с перебитым носом, полную противоположность сублильному Ивану. Так поглядывая, она решила сегодня же, а не завтра, как положено порядочной девушке, отдаться ему. Именно – сегодня, в сей час назло маме (точнее – Ивану) Инга решила отморозить уши.

...Она сидела на разобранной кровати и, прихватив жемчужными зубками пепельно-русую прядь, поглядывала на раздевающегося Олега; заметила перхоть на своем плече атласной кожи, сдула её. Олег прекратил раздеваться и сказал, что ему что-то попало в глаз. Инга сказала, чтобы он был мужчиной и не обращал внимания – глаз проморгается.

Затренькал телефон.

– Давай отключим, – предложил Олег, и потянулся к вилке. – Не надо! – остановила его Инга, решив проверить настойчивость абонента, имя которого, как она полагала, Иван. Телефон не унимался, и Инга сняла трубку, намереваясь нанести последний удар бывшему любовнику и известить его о том, что она сейчас... Тут она задумалась о романтическом эквиваленте слова «перепихнется». Ну да ладно – перепихнется!

– Да, я!

Инга слушала, потом внезапно побледнела. – Разбился?! Насмерть?! – Инга несколько раз стукнула трубку об стол. Опять переспросила. В трубке подтвердили: «Да, разбился насмерть! Тачка всмятку – восстановлению не подлежит!». Инга закричала, что ей по фиг тачка, ведь человек погиб!

Она медленно положила трубку мимо рычага. Пищит. Она опять положила и опять мимо. Да, пофиг!

– Какой бред! Он погиб в семь! – пробормотала красавица. – В семь мы чуть не уписались от смеха в кино!

– Кто разбился? Этот психопат? Он собак задавил.

Ингу передернуло. – При чём здесь собаки! Они гадят на газонах! И людей смущают своим бесстыдным поведением!

Она закурила и уставилась в окно. – Ты, Олежа, одевай штаны и иди домой.

– Может, вдвоем как-нибудь это переживем? У меня – стояк?

– Он сказал: я от тебя никогда не отвязусь, – не слышит Инга. – А, взял и отвязался... навсегда.

Олег обнял девушку сзади. – Он обозвал тебя сукой три раза!

– Четыре, – поправила она его. – Я думала, ты уже одет. Когда будешь уходить, вынеси ведро с мусором. Если тебе не трудно.

– Кончай Инга!

– Никаких «кончай»! Уходи!.. – она повернулась. – Ты помнишь, что он тебе сказал?

– Я помню, что он чуть не сбил тебя и переехал собак, пусть они и гадят на газонах! – повысил голос Олег.

– Он сказал: красотки еще никому просто так не доставались. Он оказался прав.

– Ты в этом уверена?

Он задрал ее халат – трусиков не было – и повалил на кровать. Инга отчаянно сопротивлялась, но под напором тренированного тела обмякла.

– Подожди!.. Идиот!.. Я – сама!.. Идиот!.. Я уже хочу!..

...Она лежала, бесстыдно развалившись, и курила. Олег, вернувшийся из ванной, размо- ренно улыбался, стоя над ней. – Ты – бесстыдная и красивая! Адская смесь!

Инга поставила ногу на его живот, погладила и неожиданно толкнула.

– А, теперь убирайся! Попробовал Ингу и мотай!

– Ты что, офигела?

– Не уйдешь?.. Тогда не поворачивайся ко мне спиной, потому что я разобью тебе голову. За изнасилование!..

Олег демонстративно повернулся и сказал. – Давай!

Инга взяла тяжелую хрустальную вазу и ударила его по голове. Боксер упал.

...Инга долго просматривала альбом, отбирая фотографии, где они были с Иваном вдвоем, иногда толкала ногой Олега – не очнулся ли? Потом положила фотографии в отдельный пакет и всплакнула над ними.

Боксер пришел в себя, она хотела ударить его ещё раз, но передумала – ваза была красивая. Инга вызвала Скорую помощь, сказала, что её кавалер споткнулся и упал с высоты своего роста. Ей поверили и Олега увезли.

Она стояла на балконе, вглядываясь в темь уснувшего города; слушала шум деревьев и урчанье голодного желудка – сегодня у нее была плановая диета; курила, глотая дым вперемежку со слезами. Ей чудилось: где-то в этих деревьях, под которыми он год назад первый раз овладел ею (мама была дома, а им было невтерпёж) бесприютно томится Иванова душа.

Что-то холодное коснулось ее уха. Инга охнула и отшатнулась. Но ничего не было кругом. «Может коты чудят?» – подумала она, но тут же отбросила это предположение, как очень странное. Она плотно закрыла балконную дверь и укрылась одеялом под самый подбородок, свет не выключала, потому что как-то страшно стало. Ей почудилась неясная тень, скользнувшая на балконе. Качнулись шторы на окне и ...в закрытую балконную дверь вбежал дворовый кот Барсик. Как же так – сквозь дверь?! Действительно, коты чудят?! Домашнее животное вспрыгнуло на грудь и лизнуло Ингины глаза.

И свет померк.

Инга тут же вскочила, сбросив кота. Балконная дверь была открыта настежь, и сильной струей воздуха туда всасывало тюль занавески и комплект трусиков «Неделька», лежавших после стирки на стуле. Кот прыгнул в черный прямоугольник двери и исчез в мгновенном сиянии. Инга ринулась за ним. На кой – она сама не поняла?..

Она вбежала... в гулкий зал со сводчатыми потолками. В его центре стояло ложе с зеркальными боками, сверху покрытое сияющим покрывалом. Инга не чувствовала ни страха, ни удивления, ни холода каменных плит под босыми ногами. Она подошла к ложу, развязывая тесьму на сорочке, глядя груди и дыша все глубже и глубже; медленно стянула серебряное покрывало. Под ним оказалось покрывало с золотым шитьем. Инга так же осторожно сняла и его. Открылось покрывало, усыпанное алмазами так густо, что больно было глазам. «Боже, сколько ювелирки!» – подумала она и отвернула край последнего покрывала.

В ссохшейся голове мумии, похожей на резиновую маску, она узнала лицо Ивана. Инга сдернула покрывало, и ее глазам предстало усохшее тело бывшего любовника. Она дотронулась ладонью до лба, живота и ног трупа. Они были холодные как перемороженная рыба.

Вдруг, одна из плит, совсем у ног Инги, со скрежетом раздвинулась, и сильнейший поток воздуха, снизу – вверх, бесстыдно задрал сорочку, пытаясь сорвать её. Инга инстинктивно загасила подол и увидела свое отражение в зеркальной грани постамента – Мэрлин Монро ловить было нечего! Совсем нечего! Она в очередной раз возликовала от своей невозможной красоты, подняла руки, помогая ветру свершить задуманное, и сорочку унесло вверх.

Девушка положила ладонь на усохшее мужское естество мумии и стала ждать. Через некоторое время под ладонью потеплело и еле уловимо запульсировала кровь. Она не сомневалась: этот женский прием – вечен и безотказен. Естество зашевелилось расправляющимся червем и вот, из-под ладони, твердея и горячая, выползла детородная мужская тычина. Инга прильнула к ней, а потом вскочила на мумию.

Она работала наездницей и с каждой секундой чувствовала, что ее раскаленные ягоды быются не о кости, покрытые мертвой кожей, а об упругую и теплую плоть. Сквозь туман острейшего наслаждения, застилавший глаза, сквозь звон в ушах и свербление в причинном месте, она видела, как грудь, плечи, голова мумии разглаживаются, розовеют, и труп превращается в живого Ивана. Грудь его вздымалась все выше и выше. Потом он понял наездницу низом тела и стал помогать ей в яростных поисках глубины. Он подбрасывал её так высоко, что она

кончиками взлетающих волос касалась сводчатого потолка, но «причленилась» именно туда, куда нужно, получался офигеннейший батут ужаса и наслаждения.

Бывшая мумия долгим стоном – так что задрожали стены – отметила заключительную точку экстаза. Инга, содрогаясь на горячем столбике, умасленном мужским семенем, не заметила, как изо рта бывшей мумии вместе с кровавой пеной выскочила черная клипса.

Не открывая глаз, мертвец схватил клипсу и всунул в Ингину ладонь. Девушка, добежавшая последние метры сумасшедшей любовной скачки, не заметила этого.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.